

Син Ми уже собирался оттолкнуть его, но услышал, как тот тяжело дышал, и медленно отступил.

Голос Квон Джиёна был хриплым:

— Син Ми?

Син Ми кивнул, а затем понял, что в темноте тот может не увидеть, и тихо сказал:

— Да.

Ничего не объясняя по поводу своего поведения, Квон Джиён включил свет, и яркий свет заставил обоих прищуриться.

Квон Джиён запустил руку в свои волосы и беспорядочно их растрепал, неясно, был ли он в сознании:

— Почему... так поздно вернулся?

Он с трудом поднял голову и посмотрел на часы в комнате.

— Уже почти час.

— [miyane], что потревожил тебя, старший Джиён, — первым делом извинился Син Ми, наблюдая, как Квон Джиён, шатаясь, садится на кровать и смотрит на него. — Ты пил? Лучше бы тебе отдохнуть.

Квон Джиён, опираясь руками на кровать, уставился на Син Ми, словно изучал какое-то странное существо. Долгое время он не отвечал.

Почему старший Джиён так на меня смотрит?

Син Ми подумал, что тот, должно быть, сильно пьян, и затем подумал, что, возможно, это карма.

Не зная, как справиться с этой ситуацией, Син Ми, чтобы разрядить обстановку, осторожно снова позвал:

— Старший Джиён?

— Угу, — Квон Джиён наконец отреагировал.

Он нахмурился и поманил Син Ми рукой:

— Иди сюда.

— А? — Син Ми моргнул, но не двинулся с места.

Квон Джиён, увидев, что тот не сразу подходит, на мгновение выглядел недовольным, но затем снова улыбнулся и снова поманил его, на этот раз очень мягко и ласково:

— Иди, иди сюда, иди ко мне.

Син Ми заметил, как Квон Джиён менял выражение лица, и, чтобы тот не начал капризничать, послушно подошёл.

Только он оказался перед Квон Джиёном, как тот схватил его за руку, развернул и, не дав понять, зачем это нужно, усадил на кровать, обняв сзади.

Он обнял его, как ребёнка или домашнее животное, положив голову на его голову и поглаживая его волосы одной рукой, непрерывно бормоча:

— Хороший мальчик, хороший мальчик, не убегай.

Но быть так обнятым старшим братом, чувствуя себя совсем маленьким, Син Ми казалось ужасным.

Однако из чувства благодарности, вспомнив, что Квон Джиён, вероятно, тоже заботился о нём, когда он был пьян, Син Ми не смог просто оттолкнуть его и оставался неподвижным, пока тот крепко его обнимал.

Ладно, старший Джиён пьян, нужно терпеть.

Это просто объятие, ничего страшного, ведь раньше уже обнимались.

Хотя, что за ерунда.

Син Ми почувствовал, что его мысли заходят слишком далеко, и решил перестать думать об этом.

И пока он мучился, он не видел довольной улыбки на лице Квон Джиёна.

Так прошло около десяти минут, и Син Ми наконец не выдержал:

— Эм, старший Джиён, может, я принесу тебе воды?

— Мм? — Квон Джиён наклонил голову к шее Син Ми, посмотрел на его бледное и красивое лицо и улыбнулся:

— Ах, мой младший брат такой заботливый.

И отпустил его.

Син Ми буквально сбежал за водой, и когда он вернулся с кружкой, увидел, что Квон Джиён уже лежит на кровати, похоже, спит.

Син Ми с облегчением вздохнул, держа в руке кружку, закрыл дверь и повернулся, как вдруг услышал, как Квон Джиён внезапно позвал его по имени. Он вздрогнул, и кружка выпала у него из рук, разбившись об пол.

Сразу же он почувствовал резкую боль — осколки стекла впились в кожу на его ноге.

Всё произошло за секунды, и когда Син Ми пришёл в себя, он увидел, что его лодыжка уже была в крови. Похоже, был задет сосуд.

До чего же он неудачлив.

Син Ми подумал, не разбудил ли он Квон Джиёна, как вдруг тот резко вскочил с кровати и устоялся на его ногу. Казалось, этот «кровавый сюрприз» немного протрезвил его.

Син Ми неловко почесал голову:

— Эм, старший Джиён...

Не дав ему договорить, Квон Джиён бросился к нему. Он обошёл осколки, поднял Син Ми и усадил на кровать, затем с мрачным лицом начал искать аптечку.

Квон Джиён действительно много выпил, но был в сознании. В конце концов, он не так уж легко пьянел, и до беспамятства было далеко.

Но теперь он был полностью трезв.

Кто бы мог подумать, что, открыв глаза и увидев кровь на ноге Син Ми, он испытает такой шок.

Ран было немного, и, вытерев кровь, стало видно, что они небольшие. Однако на левой ноге, на лодыжке, где был повреждён сосуд, рана была глубже и длиннее, и большая часть крови текла именно оттуда.

Квон Джиён с серьёзным лицом перевязал рану Син Ми, а затем убрал осколки стекла.

Когда он закончил и уже собирался что-то сказать Син Ми, их взгляды встретились.

— Старший Джиён? Ты же был пьян?

Судя по его предыдущему поведению, Син Ми думал, что тот совсем пьян. Но теперь он казался совершенно трезвым. Его движения были спокойными и точными, без намёка на замешательство.

Квон Джиён на мгновение замер, а затем с невозмутимым лицом сказал:

— После такого шока я бы даже мёртвый очнулся.

Син Ми моргнул и спустя некоторое время произнёс:

— Ага.

Они молчали некоторое время, пока Квон Джиён не вздохнул:

— Ладно, спать. Завтра покажем твою ногу мастеру Хвану.

Он выключил свет, вернулся на кровать и, вместо того чтобы, как обычно, обнять Син Ми, лёг на самый край, оставив между ними большое расстояние.

— Хорошо, — ответил Син Ми.

Но он знал, что Квон Джиён так поступил, чтобы не задеть его рану, и почувствовал тепло в сердце.

Когда Син Ми заснул, он не знал, что Квон Джиён долго лежал с открытыми глазами, размышляя.

В конце концов, он взял одеяло и лёг на пол.

Просто он не мог контролировать свою привычку обнимать кого-то во сне. Его тело автоматически искало кого-то или что-то, чтобы обнять.

Он слишком заботливый капитан, подумал Квон Джиён.

И затем он подумал о ране Син Ми. Что делать с предстоящими выступлениями? Репетиции концерта нельзя откладывать.

Думая об этом, Квон Джиён постепенно заснул.

Первый раз, когда Син Ми поехал на запись программы один с Квон Джиёном, он немного

волновался, боясь, что будет медленно реагировать и не сможет хорошо говорить.

По сравнению с красноречивым и активным Ли Сынхёном, Син Ми чувствовал себя недостаточно уверенным.

Когда они были вшестером, всё было проще, даже если он говорил мало, это не создавало неловкости, ведь всегда кто-то начинал разговор или подхватывал тему.

Но на этот раз, хотя он был с капитаном, Син Ми знал, что не может просто сидеть и ждать, пока Квон Джиён бросит ему тему. Время в эфире нужно было заслужить самому.

Но желание сделать всё хорошо — это одно, а реальность — совсем другое.

— О чём думаешь? Нога нормально? — Ли Сынхён помахал рукой перед лицом Син Ми, возвращая его к реальности.

Утром, увидев, что Син Ми хромает, Ли Сынхён и остальные были в шоке. Ну, может, это преувеличение, но кто бы не удивился, увидев, что вчерашний бодрый человек сегодня получил травму.

Поэтому они сразу же окружили Син Ми и стали расспрашивать. Узнав, что он сам себя поранил, все молчали. Это была настоящая неудача.

И самое плохое, что травма была не вовремя. В преддверии национального концерта в конце года все, кроме выполнения обязательств, занимались репетициями и съёмками видео для концерта. Где взять время на отдых? Где время на восстановление?

Но сам Син Ми уверял, что травма несерьёзная и не повлияет на его выступления.

Все смотрели, как он надевает обувь на перевязанную ногу, улыбается и говорит, что всё в порядке, и не могли ничего сказать.

Это была упрямая натура Син Ми.

Никто не мог его переубедить.

И у них действительно не было права говорить Син Ми, чтобы он расслабился и не ходил на репетиции. Потому что они знали, что для них сейчас это было невозможно.